

Демографический учет калмыков в Российской империи: его эволюция и трансформация

Аннотация. Одна из сложных проблем в изучении статистических источников по демографической истории калмыков-кочевников заключается в нестабильных системах их учета. Исследователи, писавшие и пишущие о калмыках, не обращали внимания на своеобразную методiku учета населения, применявшуюся в кочевом обществе. Основной целью данной статьи является попытка охарактеризовать эволюцию и трансформацию демографического учета кочевого населения на примере калмыков и выяснить вопросы: какой социально-политический курс преследовался при организации учета, насколько правительственные мероприятия в этой области способствовали слиянию калмыков с остальным населением Российской империи в XIX в. Анализ источников позволяет сделать вывод о том, что в историографии вопрос об учете калмыцкого кочевого населения был одним из сложных: многие факторы влияли на достоверность подсчетов численности населения, на общее направление эволюции и трансформации учета. При этом исследователи не могли не обратить внимания на принцип условности, на котором основывался этот учет, т. е. им была заведомо известна его недостоверность. Данное обстоятельство и отражало специфику практиковавшегося исчисления калмыцкого кочевого населения, а также сказывалось на выведении итоговых показателей учета. Подобная практика с изначально заложенной в ней погрешностью существовала до начала 1860-х гг.

Ключевые слова: кочевое население, калмыки, демографическая история, демографический учет, методика подсчета, ясак, кибитка, покибиточный учет, подушевой учет, источниковедческий анализ.

Abstract. One of the most difficult problems in the study of the statistical sources concerning the demographic history of the Kalmyk-nomads is the instability of the applied systems in record keeping. The scientists who wrote and are writing today on the Kalmyks have not paid attention to the peculiar method of population recording that was used for the nomad society. The main aim of this article is to attempt to characterise the evolution and transformation of demographic recording of nomad populations on the example of the Kalmyks and to resolve the questions regarding what socio-political course was followed upon organising these records and how much the government measures in this sphere influenced the merging of the Kalmyks with the rest of the population of the Russian Empire in the 19th century. The analysis of the sources leads to the conclusion that the question of recording Kalmyk-nomad population was one of the most difficult problems in historiography: many factors influenced the reliability of the population record counts, and the general direction of the evolution and transformation of record keeping. At the same time, scholars could also ignore the principle of subjectivity that underlay this recording, i. e. they were certainly aware of its inaccuracy. These circumstances in fact reflect the specifics of the practiced record keeping of the Kalmyk-nomad population, as well as had an effect on the calculation of the final record figures. This practice with its initially implanted error existed before the beginning of the 1860s.

Key words: kibitka records, kibitka, Yasak, calculation methods, demographic records, demographic history, Kalmyks, nomad population, capitation count, historical source analysis.

В настоящее время история российского населения не является забытым участком в нашей исторической науке, как указывал на это более полувека тому назад видный отечественный исследователь В. К. Яцунский [1, 192]. С того времени появился ряд серьезных трудов обобщающего характера [2; 3; 4; 5], но пока в числе малоизученных продолжает оставаться история кочевого насе-

ления страны и связанные с нею вопросы формирования и развития многонационального населения в дореволюционной России. В числе первых и успешных опытов в проведении подобного рода исследований можно назвать работу Н. Е. Бекмахановой [6].

В настоящей статье предпринята попытка охарактеризовать эволюцию и трансформацию демографического учета кочевого населения на

примере калмыков и выяснить вопросы: каков был социально-политический курс в организации учета, насколько правительственные мероприятия в этой области способствовали слиянию калмыков с остальным населением Российской империи в XIX в.

По мере расширения границ Российского государства и вхождения в его состав кочевого ионационального – а точнее, «инородческого» – населения на повестку дня выдвигалась проблема определения его государственного статуса и выработки методов управления им. Подведение его под общероссийское государственное начало не было единовременным актом, так как сам процесс принятия подданства кочевыми народами (ногайцами, татарами, казахами, калмыками и др.) продолжался не одно столетие и практически охватил XVI–XIX вв. Поэтому определение численности и состава населения кочевых обществ хотя и было само по себе немаловажно, но все-таки не являлось первоочередным вопросом, требующим срочного выяснения. В результате отсутствовала какая-либо систематичность в сборе сведений о населении вновь присоединившихся к России территорий. Российскому правительству приходилось оперировать частными сведениями.

Неординарный подход в определении государственного статуса каждого народа, вливавшегося в состав России, сказывался и на состоянии его демографического учета. Превращение подданного населения в податное российское сословие – а так было в большинстве случаев – вело к введению ясачного учета. Практически ясак являлся поголовной податью с мужской части населения кочевников. В целях правильного ведения фискального учета периодически проводились ясачные переписи. По своему содержанию они выходили за границы чисто демографического учета. Так как ясак уплачивался скотом, то фактически учитывалось в переписи и поголовье скота. При этом ясачный учет являлся основной формой определения численности и движения населения. Типичным примером данной формы подсчета населения являлись районы казахских жузов, присоединенные в XVIII – первой трети XIX вв.

По политическим соображениям российское правительство не облагало ясаком некоторые включавшиеся в состав империи народы. Так было и с калмыками-кочевниками. В данном случае правительство основывалось на информации, сообщаемой представителями нацио-

нальной верхушки. За единицу подсчета была взята кибитка, отсюда и название данного типа учета населения – покибиточный. В целях поддержания стабильности на калмыцких землях правительство не проводило там специальных переписей-ревизий. Таким образом, демографический учет прибывавшего калмыцкого населения империи был поставлен слабо.

Однако впоследствии, когда перед центральной властью встала проблема перехода от надзора за калмыцкими землями к управлению ими, неизбежно возникла задача усиления правительственного фиска и вмешательства во внутреннюю жизнь на местах. Местная российская администрация получила указание иметь «настоящее, хотя перечневое сведение о числе кибиток в каждом улусе и в управлении каждого зайсанга» [7], а также «верные сведения о числе кибиток или семейств калмыков простолюдинов, не допуская переписи или ревизии по форме» [8]. Данное указание практически невозможно было реализовать, так как по-прежнему сведения о количестве подлежащего налогообложению населения представлялись все той же национальной знатью. Любая попытка подвергнуть эти данные проверке вызывала недовольство местного населения и прежде всего национальной знати, стремившейся скрыть от правительства часть подвластного ей народа с целью присвоения взимавшихся с него сборов. Но тем не менее сведения, полученные с мест, при всем их недостоверном характере долго еще были официальной формой учета податного населения – учета, основанного на произвольном подушном исчислении (считалось, что в кибитке проживали от 3-х до 7-ми душ). Покибиточный учет с распространением его на ясачное население стал приобретать всеобщий характер.

При этом исследователи, занимавшиеся и занимающиеся историей предков калмыков – ойратов – и собственно калмыков, не могли не обратить внимания на методику учета населения, применявшуюся в кочевом обществе. В историографии сложилось общее мнение, что изначально учет населения был условным, т. е. он основывался не на подушном, а на покибиточном исчислении. Отсюда, естественно, возникал вопрос: сколько условных душ приходилось на одну кибитку – мужчин, женщин, детей, – была ли калмыцкая семья моногамной или большой патриархальной семьей. Среди исследователей утвердилась практика исходить из бытовавшего у кочевников в тот или иной период принципа

учета или же опираться на мнения предшественников. Иногда авторы поступали иначе: высказывали собственные суждения, в одних случаях пытаясь их обосновывать, а в других – ограничиваясь лишь изложением собственного подсчета без каких-либо пояснений. Таким образом, в методике подсчета кочевого населения допускался разноречивый принцип условности, на котором основывался этот учет, выступал критерием его достоверности как в количественном, так и в качественном отношении. Это и определяло до начала 1860-х гг. специфику принимавшегося условного исчисления калмыцкого кочевого населения, что непосредственным образом влияло и на данные о его количестве, а значит, изначально снижало уровень достоверности получаемой подобным образом статистики.

Так, И. Я. Златкин писал о том, что у монголов – предков ойратов и калмыков – в среднем семья, приравненная к одной кибитке, в начале XIII в. состояла из 5–6 человек. Сколько было в семье мужчин, женщин, детей, была ли это моногамная или патриархальная семья, исследователь не пояснял. В XVII в., по его мнению, у ойратов семья, будучи моногамной из 4-х человек, в среднем составляла одну кибитку [9, 167]. Другие исследователи, занимавшиеся изучением монголоязычных и тюркоязычных народов – С. И. Руденко, И. М. Майский, Г. С. Горохова, А. И. Чернышев [10, 6; 11, 140–141; 12, 56; 13, 56], – принимали за данность утвердившееся в историографии мнение, что в одной кибитке в среднем проживали 5 человек, но сколько из них было мужчин, женщин, детей, ими не указывалось, равно как и не определялся тип семьи. В данном контексте представляет интерес мнение Н. Е. Бекмахановой. Занимаясь изучением истории казахов и северных киргизов последней четверти XVIII – середины XIX вв., она обратила внимание на то, что ее предшественники ошибочно оперировали показателями, отражавшими размеры кибиточного сбора с казахов, приняв их за численность последних. При этом они называли надуманные количества душ обоего пола – 3, 4, 5, 7 – в одной кибитке. Данные, полученные в результате произвольного подсчета, по мнению исследовательницы, не могут быть признаны научно обоснованными. Ею выяснено также, что в актовых материалах России дореволюционной эпохи не указывался принцип исчисления кочевого населения. Это и явилось основной причиной многих недостатков учетных ведомостей – в частности, Министерства внут-

ренних дел и Министерства финансов – первой половины XIX в., основанных на отчетной документации аульской администрации. Последнюю никто и никогда не контролировал. Н. Е. Бекмаханова предложила отказаться от поиска средне-статистического показателя, характеризующего половозрастной состав кочевой семьи-кибитки, так как он к тому же не являлся идентичным для различных районов Казахстана и Северной Киргизии конца XVIII–XIX вв. Этот пробел, по ее мнению, восполнялся материалами кибиточных переписей населения, проводившихся раз в 3 года. Данные этих переписей содержали более полные сведения о численном составе семей-кибиток [6, 35, 45].

Л. С. Бурчинова, изучая постановку учета калмыцкого населения Астраханской губернии второй половины XIX в., выяснила, что определение государственного статуса калмыков во второй четверти XIX в. кардинальным образом повлияло на демографический учет в калмыцких кочевьях Астраханской губернии. Он стал более дифференцированным и коснулся абсолютно всех сословных групп с утверждением их нового разделения на социальные подгруппы. С реализацией положений об управлении калмыцким народом 1834 и 1847 гг. юридически был узаконен подушный учет нойонов (улусовладельцев и мелкопоместных нойнов), зайсангов (аймачных и безаймачных), зайсангов (аймачных и безаймачных), возглавлявшегося ламой и бакшами хурульного духовенства (гелюнгов, гецулей, манжиков, хурульных учеников), податных калмыков-простолюдинов (окладных и неокладных албанов) и, наконец, «убогих» (калек, больных и т. п.). Кроме местных переписей 1862 и 1868 гг., материалы которых опубликовал К. И. Костенков, Л. С. Бурчиновой было установлено, что позднее – в 1876–1877 гг. – проводилась еще одна местная перепись, которая прежде не была известна исследователям [14, 89].

Подвергнув практиковавшийся официальный демографический учет калмыков анализу, Л. С. Бурчинова пришла к выводу, что показатели учета разных социальных групп и подгрупп неравнозначны по своей репрезентативности, а следовательно, неравноценны. Большей степенью достоверности отличаются сведения о нойонах и зайсангах (особенно об улусовладельцах и аймачных зайсангах), наименее достоверны данные по духовенству, несмотря на утвержденный российскими властями в 1847 г. штат хурулов и их численный состав. Что касается кибиточного учета податных калмыков,

то он проводился путем местных переписей. Вплоть до X ревизии 1857 г. в России принцип исчисления податных кибиток не был твердо установлен, и в каждом улусе владелец или правитель поступал по своему усмотрению. Эта неопределенность обуславливала информативную неравноценность кибиточных списков разных улусов, что, естественно, отрицательно сказывалось на демографической статистике в целом по Калмыцкой степи Астраханской губернии. С началом проведения в этом регионе домашних переписей улучшился учет податных калмыков, а введенная регистрация с указанием пола, возраста, социального статуса, хозяйственной состоятельности обусловила необходимость разделения податного населения на окладное и неокладное [14, 90].

Исследование Л. С. Бурчиновой, с одной стороны, подтверждает мнения Ф. А. Бюлера и К. И. Костенкова относительно условности демографического учета, а с другой – свидетельствует о том, что и Ф. А. Бюлер, и К. И. Костенков исходили из практиковавшегося российской администрацией условного исчисления калмыков. Возможность применения этого же исчисления для других региональных групп калмыков – в частности, донских – пока остается не более чем исследовательской гипотезой. Переход к подушному учету астраханских калмыков во второй половине XIX в. не означал отказа от кибиточного учета. Были определены основные параметры понятия «кибитка», хотя на практике они не всегда соблюдались. Позже окончательно утвердилось разделение податной части населения на окладное и неокладное, что было продиктовано прежде всего фискальными интересами российских властей.

Таким образом, в историографии вопрос об учете калмыцкого кочевого населения долгое время оставался запутанным. На достоверность подсчетов численности населения и на общее направление эволюции и трансформации учета влияли самые разные факторы. При этом исследователи принимали в расчет условность такой статистики, т. е. им была заведомо известна ее недостоверность. При этом, как отмечалось выше, часто исследователи, практикуя такой условный подсчет, никак не обосновывали свой выбор. Также никогда и никем не ставился вопрос, была ли семья у калмыков моногамной или патриархальной. Но имеющаяся в историографии статистика пропорциональности по половой принадлежности все-таки подразумевает

моногамный характер калмыцкой семьи. Неслучайно в работах со временем все чаще по умолчанию считалось, что одна кибитка – это одна семья. Отсюда и представители российской администрации стали называть свой официальный учет кибиточно-семейным.

Следует также отметить, что практически во всех рассмотренных в данной статье исследованиях использовались данные из делопроизводственной документации центральных и местных органов управления Российской империи, а не из каких-либо национальных источников. В этом нет ничего удивительного, так как оставшиеся в России калмыки после 1771 г. не обладали полноценным самостоятельным государственным статусом. Их кочевья были российскими, да и они сами уже являлись российскими жителями, за которыми имперской властью лишь первоначально признавалось право на особое управление. Суть последнего заключалась в признании созданного в границах Астраханской губернии национально-административного района Калмыцкая степь. Последняя со временем утратила свою особость и была подчинена унитарным порядкам Российской империи. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют постепенный перевод кибиточно-семейного учета на российский подушный, проведение местных «домашних» переписей. В результате в исследованиях виден произошедший отказ от прежней практики российской администрации основываться исключительно на информации улусовладельцев и национальных правителей. Все это не могло не сказаться на репрезентативности демографических показателей.

Однако при всех отмеченных недочетах сам факт внимания исследователей к демографическому аспекту истории калмыков заслуживает положительной оценки. Будучи первопроходцами, эти авторы отразили заинтересованность российских властей в демографическом учете оставшихся в России калмыков, стремление его совершенствовать, что наблюдалось особенно во второй половине XIX в. Авторы, наблюдая за успешно развивавшейся в пореформенный период государственной статистикой, имели возможность демонстрировать, насколько она отражала ситуацию в калмыцких поселениях.

С окончательным введением кочевого населения в общероссийскую систему государственного управления и низведением местной знати до уровня лиц, состоявших на службе у российского правительства, появилась возможность усовершенствовать и демографический учет.

Хотя за ним и сохранилось наименование покибиточного, но он тем не менее постепенно стал приобретать новое содержание. Теперь фиксировались все члены семьи кибитки, регистрировался их возраст, указывалось имущественное состояние семьи кочевника, а именно – повидовое поголовье скота. Все податное население разделялось на окладное и неокладное. Сами переписи, в отличие от всеобщих ревизий-переписей, стали называться «домашними». В одних случаях они, как и ясачные переписи, проводились строго периодически (одни раз в три года), в других случаях их периодичность не была установлена. Стало постепенно учитываться движение населения. В связи с этим была разработана

форма свидетельств на временную отлучку и билетов для найма на работу. Выдаваемые билеты и свидетельства строго фиксировались. Появилась практика учитывать национальное население, обосновавшееся за пределами родных кочевий. То есть демографический учет полностью подчинялся интересам казенного фиска.

Таким образом, при всех особенностях, связанных с местной спецификой, исчисление кочевых населения было приближено к общероссийскому уровню демографического учета населения. И объяснялось это преимущественно тем, что российское правительство стремилось растворить кочевые народы – в частности, калмыков – в остальном населении Российской империи.

Библиография:

1. Яцунский В. К. Изменения в размещении населения Европейской России в 1724–1916 гг. // История СССР. 1957. № 1. С. 192–224.
2. Водарский Я. Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). М.: Просвещение, 1973. 160 с.
3. Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. (По материалам ревизий). М.: Наука, 1968. 265 с.
4. Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России (в XVIII – первой половине XIX в.): По материалам ревизий. М.: Наука, 1971. 290 с.
5. Кабузан В. М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М.: Наука, 1990. 256 с.
6. Бекмаханова Н. Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII – 60-е годы XIX в. М.: Наука, 1980. 280 с.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. XL. 1825. Отд. 2. № 30290. § 27. С. 158.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1848. Т. XXII. 1847. Отд. I. № 21144. Ст. 199. С. 366.
9. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: Наука, 1964. 482 с.
10. Руденко С. И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Географическое общество СССР. Материалы по этнографии Всесоюзного Географического общества. Ч. I. Л.: Наука, 1961. С. 2–15.
11. Майский И. М. Монголия накануне революции. 2-е изд., перераб. М.: Издательство восточной литературы, 1959. 310 с.
12. Горохова Г. С. Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства (конец XVII – начало XX вв.). М.: Наука, 1980. 130 с.
13. Чернышев А. И. Общественное и государственное развитие в XVIII в. М.: Главная редакция восточной литературы, 1990. 138 с.
14. Бурчинова Л. С. Источниковедческие вопросы изучения истории Калмыкии (вторая половина XIX в.). Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1980. 117 с.

References (transliterated):

1. Yatsunskii V. K. Izmeneniya v razmeshchenii naseleniya Evropeiskoi Rossii v 1724–1916 gg. // Istorii SSSR. 1957. № 1. S. 192–224.
2. Vodarskii Ya. E. Naselenie Rossii za 400 let (XVI – nachalo XX v.). M.: Prosveshchenie, 1973. 160 s.
3. Kabuzan V. M. Narodonaselenie Rossii v XVIII – pervoi polovine XIX v. (Po materialam revizii). M.: Nauka, 1968. 265 s.
4. Kabuzan V. M. Izmeneniya v razmeshchenii naseleniya Rossii (v XVIII – pervoi polovine XIX v.): Po materialam revizii. M.: Nauka, 1971. 290 s.
5. Kabuzan V. M. Narody Rossii v XVIII veke. Chislennost' i etnicheskii sostav. M.: Nauka, 1990. 256 s.
6. Bekmakhanova N. E. Formirovanie mnogonatsional'nogo naseleniya Kazakhstana i Severnoi Kirgizii. Poslednyaya chetvert' XVIII – 60-e gody XIX v. M.: Nauka, 1980. 280 s.
7. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. 1649–1825 gg. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichstva kantselyarii, 1830. T. XL. 1825. Otd. 2. № 30290. § 27. S. 158.
8. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichstva kantselyarii, 1848. T. XXII. 1847. Otd. I. № 21144. St. 199. S. 366.
9. Zlatkin I. Ya. Istorii Dzhungarskogo khanstva (1635–1758). M.: Nauka, 1964. 482 s.
10. Rudenko S. I. K voprosu o formakh skotovodcheskogo khozyaistva i o kochevnikakh // Geograficheskoe obshchestvo SSSR. Materialy po etnografii Vsesoyuznogo Geograficheskogo obshchestva. Ch. I. L.: Nauka, 1961. S. 2–15.
11. Maiskii I. M. Mongoliya nakanune revolyutsii. 2-e izd., pererab. M.: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1959. 310 s.
12. Gorokhova G. S. Ocherki po istorii Mongolii v epokhu man'chzhurskogo gospodstva (konets XVII – nachalo XX vv.). M.: Nauka, 1980. 130 s.
13. Chernyshev A. I. Obshchestvennoe i gosudarstvennoe razvitie v XVIII v. M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1990. 138 s.
14. Burchinova L. S. Istochnikovedcheskie voprosy izucheniya istorii Kalmykii (vtoraya polovina XIX v.). Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1980. 117 s.